

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ Н. А. НЕКРАСОВЕ

Мое знакомство с поэтом Н. А. Некрасовым началось в 1872 году летом. Он проводил его в имении Карабиха, Ярославской губернии и уезда. Это имение принадлежало ему и его брату Федору, который жил в нем постоянно и занимался хозяйством. Федор Алексеевич был вдов, имел пять человек маленьких детей. У старших его сыновей одна из моих сестер была гувернанткой. Она скучала в деревне и постоянно звала меня погостить. Еще зимой, в том же году, я, проездом из Вологды в Москву, заезжала к ней и познакомились с Федором Алексеевичем. По его просьбе, возвращаясь из Москвы, я снова завернула в Карабиху. При отъезде Федор Алексеевич взял с меня слово, что я приеду к ним на все лето. Он говорил: "Летом здесь хорошо, спокойно, привольно, красиво... не соскучитесь". Я сдержала обещание и в июне месяце приехала в Карабиху. Сестра была очень обрадована; Федор Алексеевич тоже принял меня чрезвычайно радушно и тотчас сообщил, что в соседнем флигеле живет его старший брат Николай, уже известный в то время поэт, стихами которого увлекалась и я и многие из них знала наизусть.

В тот же день я была приглашена на обед к Николаю Алексеевичу, но отказалась, устав с дороги, а главное, не подготовившись мысленно к свиданию с такой известной личностью. На другой день Николай Алексеевич пришел обедать к нам вместе с Зинаидой Николаевной¹. Оказалось, что у братьев было обыкновение обедать поочередно друг у друга. Перед обедом я была представлена поэту. Сперва я очень робела, ведь я была тогда неопытная 22-летняя провинциалка, а он крупный литератор, которому перевалило уже за 50. Но вскоре я к нему присмотрелась, и это чувство исчезло. Я заметила, что поэт был выше среднего роста, моложавый, с живыми черными глазами, с темной жидковатой растительностью и темным, почти бронзовым цветом лица, может быть, благодаря загару. Ничего строгого или чересчур серьезного в нем не было. Он был приветлив, общителен и довольно скоро приучил меня к себе.

Обеды наши были оживленны и веселы; почти всегда на них присутствовал третий брат, Константин, который жил в Ярославле, но большей частью находился в Карабихе, и почти всегда бывал кто-нибудь из хороших знакомых. Оба брата придирались к каждому подходящему случаю, чтобы угостить нас шампанским.

После обеда мы уходили в парк, гуляли по его аллеям, спускались к пруду или на родник, питавший его, где широкая прозрачная струя холодной воды, вытекая с горы, невидимо откуда, попадала в желоб и оттуда каскадом, с шумом и брызгами, падала на землю и ручьем по песку и камням устремлялась в пруд. Из пруда по другому ручью вода бежала в речку Которосль - приток Волги. В самую жаркую пору у родника было прохладно, вероятно, благодаря могучей растительности, вызванной к жизни теплом; обилием влаги и тучной землей на склонах оврага. Под вековыми деревьями, склонившимися над скрытым зеленью ручьем, стояла скамейка, на которой поэт любил посидеть и выкурить сигару. Потом мы поднимались в гору ближе к дому, заходили на площадку, устроенную у самой каменной ограды парка, и любовались чудным видом. А вид был действительно великолепный, широкий и далекий. Горизонт открывался с восточной и южной сторон и к линии его террасами поднимались поля и леса, луга и снова поля и леса. Много виднелось деревень и сел с белыми церквями, придающими чисто русский колорит этой картине, и чудилось в ней что-то близкое, дорогое, родное... Братья, знавшие окрестности, старались определить, какая где видна деревня или село, что было не совсем легко, так как вид открывался верст на 15. Иногда мы ходили гулять на речку Которосль, где Николай Алексеевич наблюдал за рыбаками-любителями. И в них он видел присущее русскому народу терпение. "Стоять часами под палящим солнцем, чтобы вытащить какую-нибудь плотичку, пескаря, для этого надо иметь большое терпение", - говорил он. Кое-когда заглядывали мы и в село Карабиху. Николай Алексеевич любил смотреть на игры детей и обращал мое внимание на их любопытные, смысленные и любознательные глазки, серые, синие, карие... . Однажды какая-то крестьянка стала ему жаловаться на соседку, укравшую у нее новину, выложенную для белки на солнце. Оказалось, что это была вдова, очень бедная. Николай Алексеевич вынул деньги, отдал их потерпевшей и просил не беспокоить бедную

женщину, взявшую чужое, может быть, только потому, что у нее не было ни денег, ни одежды для детей. Вообще Николай Алексеевич всегда помогал крестьянам; пала ли у кого лошадь или корова, сгорел ли дом, он всегда давал, сколько мог, так как остро чувствовал всю глубину крестьянского горя.

Нагулявшись, мы возвращались в парк и усаживались на большой лужайке перед домом, под громадным кедром, на разостланном ковре, мужчины с папиросами, а женщины с конфетами, до которых моя сестра, бывшая институтка, была большая охотница. Здесь происходили самые интересные разговоры, лились рассказы из охотничьей жизни или из быта поэтов и писателей; часто в юмористической форме, загорались споры о достоинстве собак или лошадей. Только поздний вечер, загонял нас в комнаты.

Иногда Зинаида Николаевна уходила от нас раньше, и тогда мы спорили с Николаем Алексеевичем о браке. Я убеждала его жениться и завести собственных детей, указывала ему на то, как он любит своих племянников и интересуется их детской жизнью. В те юные годы я считала, что каждый мужчина в известном возрасте должен жениться и обзавестись семьей, и с жаром старалась привить ему свой взгляд на этот предмет. Но он не поддавался, смеялся надо мной, говорил, что не верит женщинам, что хороших жен нет, а я пугала его тем, что он попадет какой-нибудь недостойной опытной кокетке, которая и женит его на себе.

Самые лучшие часы были, когда поэт открывал нам частичку своей души и читал нам свои произведения, а работал он в то время над поэмами "Русские женщины" и "Кому на Руси жить хорошо".

Я сейчас познакомлю вас с обстановкой, в которой работал поэт. Он писал всегда дома. Дом этот был двухэтажный, белый каменный и имел форму продолговатого четырехугольника с балконом со стороны главного дома. Подъезд находился на северной узкой стороне флигеля и состоял из нескольких широких каменных ступеней и небольшой площадки перед входной дверью. Нижний этаж занимали службы и комнаты прислуги. Николай Алексеевич жил во втором этаже, куда вела широкая красивая лестница². Против лестницы находилась столовая, небольшая, но уютная комната, все украшение которой составляли овалынные стенные панно с изображением *Nature morte* {Натюрморт (франц.)} да большой портрет, в натуральную величину, Екатерины Великой в широкой золоченой раме. Направо от столовой шли спальни и небольшой кабинет, но оставим эти интимные покои, не представляющие никакого интереса, и войдем в зал, где обычно работал Николай Алексеевич. Это была большая, почти квадратная, комната, вся белая, с тяжелыми темными портьерами на окнах и на балконной двери. Посреди левой стены находился камин белого мрамора с зеркалом наверху. На камине стояли часы черного мрамора с бронзовой лежащей собакой сверху. Около часов были расставлены чучела птиц - охотничьи трофеи поэта. Я помню бекаса, чирка, крякву и тетерева; громадный глухарь и дрохва стояли на особых постаментах. По сторонам камина стояли турецкие диваны, а у задней стены конторка, на которую клалась бумага и карандаш. В южной стене было три окна, а западной два окна и балконная дверь. Казалось бы, что летом в комнате должно было быть чересчур светло и жарко. Ничуть не бывало - громадные деревья парка своими кронами не только умеряли солнечный свет и полуденный зной, но и отбрасывали на потолок едва уловимый зеленоватый оттенок, придававший комнате какое-то особое очарование. Николай Алексеевич обыкновенно в часы вдохновения ходил по комнате, и мысль его работала: по временам он подходил к конторке и писал. Он запирался в этой комнате, и никто не должен был нарушать его уединения. Чан и закуску ему приносили в столовую, куда он выходил, когда чувствовал голод, но в такие дни он ел мало. Однажды, после нескольких дней интенсивной работы, Николай Алексеевич пришел к брату и сказал: "Пойдем в парк под кедр, я буду вам читать "Русские женщины"; я написал конец". Мы пошли, и поэт своим немного глухим голосом прочел нам всю поэму. Мы слушали с затаенным дыханием и не могли удержаться от слез. Когда он кончил и взглянул на своих слушателей, то по их взволнованным лицам и влажным глазам понял, какое сильное впечатление произвело на всех его произведение, и был счастлив. Он велел подать шампанское. Мы чокались, поздравляя его с блестящим окончанием его многолетнего труда. Да, помню, это был день великого подъема, торжества и удовлетворения.

Лето промелькнуло незаметно. Наступил конец августа, и Николай Алексеевич начал собираться в Петербург.

Накануне его отъезда Федор Алексеевич сделал мне предложение, и я стала его невестой.

Настал день отъезда. Всем было немного грустно. После обеда подали три тройки лошадей, и мы поехали на вокзал, взяли и двух старших сыновей, мальчиков 7 и 8 лет. Вероятно, на вокзале Федор Алексеевич сказал брату о своем намерении жениться на мне и моем согласии, потому что уже на платформе Николай Алексеевич велел принести бутылку шампанского и, чокаясь со мной, как-то особенно пристально смотрел мне в глаза. Я хотя и покраснела, поняв его немой вопрос, но глаз не потупила, ведь в моей душе жило твердое честное намерение быть хорошей женой и матерью полусироткам, к которым за лето я успела привыкнуть и привязаться. Перед самым отходом поезда Николай Алексеевич подождал меня к окну вагона и произнес экспромт, посвященный мне, приблизительно такого содержания:

В твоём сердце, в минуты свободные, Что в нём скрыто, хотел я прочесть. Несомненно, черты благородные Русских женщин в душе твоей есть. Юной прелестью ты так богата, Чувства долга так много в тебе, Что спокойно любимого брата Я его предоставлю судьбе.

Я не выдаю этих стихов за точное произведение Николая Алексеевича, но смысл их был таков³. В моей личной жизни в то время происходили такие важные события, что я забыла записать его экспромт, а потом было уже поздно.

В сентябре месяце того же 1872 года мы обвенчались в Москве, и после нескольких дней там муж сказал: "Надо ехать к брату". Мы приехали в Петербург и пришли на квартиру Николая Алексеевича на Литейном проспекте. Мне бросилось в глаза ее удобство - лестница оканчивалась площадкой, дверь направо вела в помещение поэта, а налево в комнаты Зинаиды Николаевны, внутри они сообщались. Николай Алексеевич встретил меня совсем родственному, обнял и расцеловал. Мы пробыли в Петербурге недолго, но зато почти не расставались. Вскоре пришлось вернуться в Карабиху, куда призывали дела и дети.

В 1873 году летом Николай Алексеевич ездил за границу, был в Париже и очень комично жаловался на то, что Зинаиде Николаевне не даются иностранные языки и что даром были потрачены деньги на учителей. Он и там помнил обо мне и прислал мне оттуда накидку и черную волосяную шляпу с красным маком⁴.

Мы увиделись снова осенью 1874 года в Карабихе, куда он приехал с сестрой своей Анной Алексеевной, Зинаидой Николаевной и ее племянницей. Он был такой же остроумный собеседник, всегда забавно и остроумно описывал свои охоты и встречи, но в его наружности произошла некоторая перемена - он похудел, осунулся: очевидно, болезнь уже начала подтачивать его организм. Как и прежде, он интересовался нашей жизнью и детьми, которым просил дать хорошее образование, отдав их в лучшую тогда гимназию, чтобы из них вышли знающие и образованные люди. Образование он ставил очень высоко, может быть, потому, что сам не прошел правильного и систематического курса наук.

У меня в это время был уже сын Константин, которому шел второй год, и вот Николай Алексеевич, не зная, чем выразить мне свое внимание и расположение, возвратись откуда-нибудь на тройке, звал племянницу Зинаиды Николаевны, молодую девушку, и просил ее покатасть Костю. Она брала его на руки, и кучер обвозил их несколько раз вокруг двора. <...>

В последний раз я виделась с Николаем Алексеевичем осенью 1876 года, когда он ехал лечиться в Крым⁵. Он вызвал нас телеграммой в Москву повидаться. Перемена, происшедшая в нем, меня поразила, но я не смела ему в этом признаться. Болезнь повлияла на его характер - он стал более угрюм и замкнут, но все же интересовался детьми, их духовным и умственным развитием и успехами в учении. До самой своей смерти в конце 1877 года Николай Алексеевич часто вызывал мужа телеграммой в Петербург. "Приезжай, соскучился",-- кратко писал он, и Федор ехал, соскучившись и сам по брате. Он возвращался, удрученный и расстроенный страданиями поэта и предчувствием его близкой кончины. Я же во время отлучек мужа с жадностью бросалась на газеты, где печатались бюллетени о состоянии здоровья Николая Алексеевича. Однажды меня поразила такая заметка: "Сегодня ночью у постели Николая

Алексевича дежурили студенты-медики" ⁶. Куда же девалась Зинаида Николаевна, подумала я, зная, что она никуда не отходила от больного ни днем, ни ночью.

Мой муж присутствовал при кончине брата, был на его похоронах. Грустный и печальный вернулся он из Петербурга, понеся двойную утрату, потеряв в нем, вместе со всей Россией, поэта, чуткого и отзывчивого к жизни народа, глубоко любимого и чтимого, почти как отца, брата и друга. Долго он не мог утешиться и чувствовал себя осиротевшим. Я никогда не забуду хорошего отношения Николая Алексеевича ко мне и, насколько мне позволят годы, буду с любовью, благоговением и благодарностью чтить его память.

Примечания

Наталья Павловна Некрасова (1850--1928) - с 1873 года жена брата поэта, Ф. А. Некрасова. В. Евгеньев-Максимов рассказал историю возникновения ее воспоминаний: "Летом 1927 года мне довелось побывать в Ярославском имении Н. А. Некрасова - Карабихе. Там я имел случай познакомиться с престарелой вдовой его брата, Федора Алексеевича - Натальей Павловной Некрасовой. Исполняя мою просьбу, последняя написала свои воспоминания о поэте, воскрешающие ту жизнь, которую он вел свыше 50 лет тому назад в своей карабихской усадьбе в обществе родных, то есть братьев и их семейств" ("Некрасов. К 50-летию со дня смерти", "Прибой", Л. 1928, стр. 9).

Печатается с сокращениями по автографу, хранящемуся в Гос. мемориальном музее Н. А. Некрасова (Ленинград). Впервые с пропусками, искажениями в книге: "Некрасов. К 50-летию со дня смерти", "Прибой", Л. 1928, стр. 9--23.

¹ Стр. 397. Зинаида Николаевна - Фекла Анисимовна Викторова, впоследствии ставшая женой Некрасова.

² Стр. 399. Некрасов жил во флигеле дома в Карабихе.

³ Стр. 401. Других источников, подтверждающих принадлежность Некрасову этого экспромта, нет.

⁴ Стр. 401. Накануне отъезда в Киссинген Некрасов писал ей из Петербурга: "Добрая и дорогая Наталья Павловна, шляпку Вам посылаем, Зина просит сказать Вам, что эта шляпка надевается не как круглая, а как обыкновенная. По нашему понятию, шляпка очень мила; только я заметил Зине - не слишком ли она скромна для такой молоденькой женщины, как Ваша милость. На что получил ответ: *не выдумывай!* -- Впрочем, дело можно поправить: едем за границу, откуда я привезу Вам шляпку более эффектную" (XI, 254).

⁵ Стр. 402. Некрасов выехал в Ялту из Петербурга 28 августа 1876 г.

⁶ Стр. 402. За больным Некрасовым постоянно ухаживали Зинаида Николаевна и студент Медико-хирургической академии Н. П. Демьянков. Бюллетени о болезни Некрасова не печатались.